

Если бы гроб был пуст, они бы, возможно, не так поразились.

Но в гробу действительно лежало тело.

И, к их величайшему удивлению, на его лице, шее и даже виднеющихся из-под одежды руках были следы ожогов. В чертах лица полностью обугленного тела с трудом улавливалось некоторое сходство с Линь Фэньюанем.

Но если Линь Чжэнь повесился, то почему на его теле следы ожогов?

Сяо У практически ничего не знала о подробностях дела и не видела тел пятерых экзаменаторов. Вскрикнула она из-за ужасающего вида и отвратительного запаха гниения. Не удержавшись, она отступила на пару шагов и быстренько забралась обратно в повозку, решив наблюдать за происходящим в окошко.

— Странно, – нахмурился Лу Линси. – Почему ни Линь Фэньюань, ни Шэнь Куньсю не упомянули о сожжении? Линь Чжэнь что, не покончил с собой, а сгорел?

Коли так, то проблем становилось еще больше. Шэнь Куньсю вызывал огромные подозрения в причастности к смерти Линь Чжэня. Но если Линь Чжэнь сгорел, то почему тот ни словом не обмолвился об этом, дабы оправдать себя? Неужели вражда между Линями и Шэнями зашла настолько далеко, что Шэнь Куньсю убил Линь Чжэня?

Все глядели на труп, сиюсь дать ответы на многочисленные вопросы, крутившиеся у них в головах.

Тело похоронили недавно, но из-за жары от него уже начал исходить слабый запах гниения. Не только Сяо У, но и остальные присутствующие отступили на пару шагов, невольно закрыв лица, однако Тан Фань продолжал по-прежнему молча стоять у могилы, глядя на труп, будто на нем мог вот-вот распуститься цветок.

Он не просто его разглядывал, он даже подошел поближе, чтобы тщательно изучить.

От вида того, как его белые тонкие руки трогают тело и даже проникают в нос и рот покойного, у остальных начали подрагивать уголки губ.

Их от одного взгляда мутило, а Тан Фань проделывал подобное, даже в лице не изменившись. И это не могло не вызывать восхищения.

— Он погиб не из-за огня, – через некоторое время вдруг подал голос Тан Фань.

Сказав так, он поднялся, засунул обратно в рот трупу вынутую оттуда нефритовую цикаду (символ бессмертия души, кладут в рот мертвецу) и, приняв из рук Сяо Чжоу влажный платок, тщательно вытер руки.

Предваряя любые возможные вопросы, он пояснил:

— Тела тех, кто был сожжен после смерти, отличаются от погибших в пожаре. Если бы он погиб от огня, перед смертью успел бы надышаться сажей. Я проверил его рот и нос: они чисты. И, что еще более важно: у повешенного перед смертью из-за давления на горло вываливается наружу язык. Он должен быть длиннее и прижиматься к верхним зубам, однако у Линь Чжэня он обычный, а значит, он, скорее всего, не вешался.

Лу Линси жаждал узнать больше, а потому поборол тошноту и, подражая Тан Фаню, низко склонился над гробом, зажав нос:

— Брат Тан, его шея обгорела до черноты. Следов удушения нет. Как думаешь, из-за чего же он умер?

— Раз он не повесился, а тело сожгли, значит, он был убит, и кто-то обставил все так, будто это было самоубийство, чтобы обмануть Шэнь Кунью. После этого, из-за опасений, что кто-нибудь вроде нас вскрыет гроб, труп сожгли до неузнаваемости, дабы скрыть настоящую причину смерти Линь Чжэня. Если бы это сделал кто-то посторонний, он бы уничтожил тело целиком, а не наполовину, и не облачил бы его в погребальную одежду, не положил бы в рот нефрит, чтобы мы не смогли найти несостыковки. Лишь родственник покойного, желавший уничтожить труп, мог оказаться не в состоянии довести дело до конца. Следовательно, человеком, сжегшим тело, должен быть Линь Фэньюань.

— Выходит, – нахмурился Лу Линси, – Линь Фэньюань знал, что Линь Чжэнь не повесился, но все же помог убийце сжечь тело, дабы уничтожить следы. Или он и есть убийца?

— В таком случае, если бы ему хватило духу убить собственного ребенка, он бы и труп уничтожил, – покачал головой Тан Фань. – Судя по всему, он знает, кто убийца, и намеренно его покрывает...

Сказав так, он вдруг замолчал, а затем вскрикнул:

— Плохо дело!

Все удивленно посмотрели на него.

— Скорее, закапывайте гроб и поспешим в дом Линь!

Услышав это, все решили, что Тан Фань торопится в дом Линь, дабы свести с Линь Фэньюанем счеты. Лишь служанка Сяо Чжоу поняла, что тот имеет в виду:

— Молодой господин считает, что Линь Фэньюань в опасности?

— Да. Я все думал о том, как странно вел себя Линь Фэньюань в прошлый раз. Сначала был худым и бледным, как птица, вспугнутая стрелой, а потом все время поглядывал на картину на стене. Думаю, ему угрожали, и он был вынужден молчать, но пытался мне что-то передать. Должно быть, дело в картине. В ней спрятано то, что он хотел мне сказать, но не мог произнести вслух. Но если мы додумались до этого, есть риск, что и у убийцы выйдет!

Он имел в виду, что Линь Фэньюань может стать мишенью убийцы, который захочет заставить его замолчать навеки.

Услышав эти слова, все тотчас ускорились и, не тратя время на болтовню, засыпали могилу, а затем отправились к дому Линь.

Городские ворота были открыты всю ночь, а Линей они навещали всего два дня назад, так что дорогу знали и прибыли быстро.

Вокруг стояла тишина, но не потому, что все спали, а потому, что весь город вышел за стены любоваться огнями и должен был вернуться обратно не раньше, чем через два часа. Ворота в дом Линь оказались крепко закрыты. Си Мин постучал. Стук вышел таким громким, что сотряс Небеса. Внутри послышались шаги и крик: “Кто там?”

Человек по ту сторону не знал, кто пришел, так что ворота без разрешения открывать не смел.

— Императорский посланник по делу! Мы два дня назад приходили! – ответил Си Мин.

— Ч-чем докажете? – робко спросил человек, по всей видимости, ему не поверив.

Си Мин не стал утруждать себя разговорами. Оглянувшись на Тан Фаня и увидев, что тот кивнул, он взлетел на стену, а с нее спрыгнул прямо во двор.

Раздался крик, и вскоре Си Мин отпер ворота изнутри.

Слуга семьи Линь был в ужасе: он решил, что столкнулся с грабителями. Но прежде чем он успел закричать еще раз, Хань Цзинь подскочил к нему и заткнул рот рукой.

— Не кричи, это я, императорский посланник, что приходил к вам в дом пару дней назад. Вспомнил меня? – обратился к слуге Тан Фань.

Слуга Линь, не в силах издать ни звука, широко раскрыл глаза. Разглядев фигуру Тан Фаня в тускло освещенном фонарями проеме ворот, он кивнул.

Хань Цзинь отпустил его.

В панике хватая ртом воздух, слуга нерешительно спросил:

— Господин, зачем Вы здесь?

— Где твой хозяин? Мне нужно срочно с ним увидеться!

— Моего хозяина здесь нет, – пролепетал слуга семьи Линь. – Осмелюсь спросить господина, а в чем дело?

Все-таки вламываться в ворота посреди ночи было как-то не принято.

Тан Фань не собирался ему ничего объяснять.

— Куда он ушел? – спросил он, помрачнев.

Пока они говорили, на шум сбежались слуги с палками в руках. Очевидно, они решили, что в

дом проникли воры.

— Хозяин говорил, что хочет посмотреть на огни... – ответил слуга.

— Старина Линь, что случилось? – навстречу, с подозрением глядя на Тан Фаня и его спутников, вышел управляющий.

После того как слуга представил их управляющему, тот вздохнул с облегчением: в прошлый раз он уже видел Тан Фаня.

— Отвечаю господину, – управляющий вежливо сложил руки. – Мой хозяин действительно отправился смотреть на огни и еще не вернулся.

— Сколько людей он с собой взял? Когда ушел? – продолжал спрашивать Тан Фань.

— Это...

— Я пришел сюда посреди ночи не для того, чтобы вовлечь твоего хозяина в неприятности. Я пришел сюда спасти ему жизнь! Если не скажешь, с ним может что-то случиться, и пеняй тогда на себя!

Поняв, что тот не шутит, управляющий изменился в лице. Немного подумав, он стиснул зубы и ответил:

— По правде сказать, мы заметили, что хозяин сегодня вел себя странно. Третий молодой господин хотел пойти посмотреть на огни, но хозяин не разрешил ему, хотя прежде никогда не отказывал, а затем, получив какое-то письмо, сам поспешил уйти и так и не вернулся.

— Когда он ушел? Он был один?

— Примерно в час сю (19:00-21:00). Хозяин взял с собой лишь Лай Вана, своего помощника.

— Куда они пошли, ты знаешь? То письмо осталось?

— Хозяин не говорил нам, куда идет, а письмо сжег, как прочитал. Лицо хозяина было очень серьезным, когда он уходил. И настроение, кажется, было плохое. Мы не осмелились задавать лишние вопросы. Осмелюсь спросить господина, что Вы имеете в виду?

— А что насчет его приближенного? Лай Ван давно работает в доме Линь?

— Нет. Хозяин привел его несколько месяцев назад. Сказал, что он заменит прежнего помощника, Цзи Сяна. А Цзи Сяна отправил следить за своим кабинетом. Тот очень из-за этого переживал...

Он недоуменно поднял на Тан Фаня взволнованный взгляд.

— Боюсь, с вашим хозяином что-то случилось, – проговорил Тан Фань. – Пошлите отыскать его. Если найдут, то пусть вернутся и доложат. Я оповещу магистрата Фаня, чтобы тоже начал поиски!

— Гос... Господин, что случилось? – побледнел управляющий.

— Если продолжишь медлить, твой хозяин может не вернуться, – холодно отозвался Тан Фань.

Управляющий взволнованно вздрогнул и, не смея больше задавать вопросы, отправил на поиски весь дом Линь. Тан Фань тем временем обратился к Лу Линси с Си Мином:

— Отправляйтесь в префектуру и окружное правительство, попросите магистрата Фаня и брата Цзымина отправить людей разыскать судью Линя. Если найдут, пусть сообщат мне. Я останусь здесь, в доме Линь! А, и еще! Во что бы то ни стало приведите сюэтя Шэня, хочет он того или нет!

Си Мин беспрекословно принял приказ, тогда как Лу Линси вновь принялся спорить:

— Брат Тан, мы оба уйдем, а барышня Цяо не владеет боевыми искусствами, так что подле тебя останется лишь Хань Цзинь. Это нехорошо...

Не успел он договорить, как Те Чжу (переодетый Пан Ци, подчиненный СЧ) ударил себя кулаком в грудь:

— А я что, не человек? Брат Лу, успокойся! Можешь идти! Мы с Сяо Чжоу здесь! Все будет хорошо!

“Из-за вас-то я и не могу успокоиться”, – подумал Лу Линси.

— Скорее иди, – неожиданно поторопил его Тан Фань. – Время на исходе. Поторопись! Со мной все будет хорошо!

Шутки в обычное время – это одно дело. В столь серьезной ситуации Лу Линси не смел больше спорить. Согласно кивнув, он ушел вместе с Си Мином.

Столь громкий шум поставил на уши всю семью Линь. И госпожа Линь отправила служанку узнать, в чем дело. Услышав о произошедшем, она поступила правилами приличия и вышла к незнакомым мужчинам.

— Господин, то, что Вы сказали о хозяине, – правда?

Тан Фань ответил вопросом на вопрос:

— Муж и жена – одно целое. Если Линь Фэнъюань в последнее время вел себя странно, ты, как его жена, должна была это заметить, не так ли?

— Верно, – нахмурилась госпожа Чэнь. – После смерти А Чжэня мой муж говорил и вел себя странно. Я думала, что это из-за пережитого горя, так что не стала расспрашивать. Я хотела, чтобы А Цзюэ вернулся, но он не позволил, велел А Цзюэ остаться в академии.

— А Цзюэ?

— Это второй молодой господин! – услужливо пояснил управляющий.

— Значит, он все еще в академии? – спросил Тан Фань.

— Да, – отозвался управляющий. – Когда первый молодой господин скончался, второго вызвали домой, однако через несколько дней хозяин отослал его обратно, велел не пропускать учебу.

Для родителей было естественно убиваться по первенцу. Так почему они в такой спешке отправили второго сына обратно в академию? Судя по тому, как похоронили Линь Чжэня, Линь Фэньюань любил своего сына.

Подобный поступок мог показаться странным даже тем, кто не являлся частью семьи Линь.

Тан Фань нахмурился.

— Отправьте пару слуг в академию, – немного подумав, распорядился он. – Пусть проверят, на месте ли ваш второй молодой господин.

Глаза управляющего и госпожи Чэнь расширились:

— Господин, Вы хотите сказать...

— Ничего такого, не переживайте. Просто хочу убедиться, что он в безопасности. Поторопитесь!

После таких слов любой бы заволновался.

— Делай, как велел господин! Скорее! – приказала управляющему госпожа Чэнь.

Дом семьи Линь погрузился в хаос. Госпожа Чэнь и прочие женщины из внутренних покоев прежде никогда не сталкивались с подобным и просто стояли во дворе взволнованные, не зная, что делать. Однако у Тан Фаня было к ним дело:

— Помнится, когда я был здесь в прошлый раз, в главной зале висела картина. Судья Линь сказал, что сам ее нарисовал. Она еще там?

— Вы говорите о... Той картине с бегущей на восток рекой? – на мгновение задумавшись, спросила госпожа Чэнь.

— Верно.

— Кажется, там. Я видела ее сегодня утром.

— Отведи меня к ней.

— Господин, прошу, сюда.

Госпожа Чэнь отвела Тан Фаня и остальных в главный зал и, подняв глаза, ахнула:

— Я точно видела ее здесь сегодня утром! Куда она делась?

На том месте, где, как помнил Тан Фань, висела картина, теперь была другая с изображением одинокой горы и яркой луны, и имени Линь Фэньюаня на ней не значилось.

Осмотрев картину и не обнаружив ничего особенного, Тан Фань снял ее. Стена за ней тоже оказалась вполне обычной.

Служанка Сяо Чжоу тоже подошла, постучала по стене и тщательно ее обшарила.

— Ничего, – заключила она.

Со стеной все было в порядке, а значит, дело было в картине. Тан Фань крепко задумался, стараясь вспомнить ее внешний вид в мельчайших подробностях, и даже не заметил, как в зал кто-то вошел.

— Господин, сюэтай Шэнь, магистрат Фань и окружной магистрат Цзи здесь, – тихо доложил Хань Цзинь.

Тан Фань поднял голову и встал их поприветствовать.

— Я не хотел вас беспокоить. Этот Тан искренне просит прощения.

— Господин, этот скромный чиновник уже отправил людей на поиски судьи Линя. Что-то случилось? – магистрат Фань был несколько раздосадован, однако возмущаться не смел.

Сегодня был Сорочий праздник. Как и все простые люди, он приятно проводил время у себя во дворе, любясь звездами, угощаясь сладостями и болтая со своей женой и детьми, пока посыльный Тан Фаня не нарушил его покой. Естественно, он был расстроен, однако высказать ничего Тан Фаню не мог, хоть мысленно и негодовал.

Лицо Шэнь Кунью было мрачнее тучи, словно Тан Фань задолжал ему кучу денег.

По правде говоря, он не желал сюда приходить, однако Си Мин весьма настойчиво “пригласил” его, применив силу, так что в подобной гримасе не было ничего удивительного.

— Может, цензор Тан наконец скажет нам, в чем дело? Где доказательства? Ты всю префектуру Цзиань на уши поставил своими заявлениями о том, что с судьей Линем что-то случилось. А если судья Линь вернется целым и невредимым? Что делать собираешься? И вообще, какое отношение этот сюэтай имеет к произошедшему с судьей Линем?

— Сюэтай Шэнь, – остановил его взмахом руки Тан Фань, – успокойся, не нервничай. Прошу, присаживайся.

— Ну уж нет, – сердито махнул рукой Шэнь Кунью. – Если цензору Тану есть, что сказать, то говори скорее. Я хочу вернуться и полюбоваться огнями!

— У сюэтая Шэня действительно стальные нервы, – рассмеялся Тан Фань. – Сын натворил делов, а ты еще и огнями успеваешь любоваться. Слышал, ты преподавал ему урок, так что он несколько дней с кровати встать не может. Кажется, он будет не в состоянии посмотреть на фонарики вместе с тобой?

— Тебе-то какое дело? – рассвирепел Шэнь Кунью. – Ты слишком много на себя берешь! Не забывайся!

Улыбка исчезла с лица Тан Фаня.

— Шэнь Кунью! – вдруг вскричал он. – Ты потворствовал своему сыну в свершении убийства! Признаешь свое преступление?!

На мгновение опешив, Шэнь Кунью пришел в ярость:

— Тан Фань, не возводи на меня поклеп! Фань Юэчжэн боится тебя, но я нет! Не думай, что раз тебе приказано провести расследование этого дела, то ты можешь вводить всех в заблуждение! Какое отношение имеет ко мне смерть Линь Чжэня?!

— Разве я говорил, что смерть Линь Чжэня имеет к тебе отношение? – усмехнулся Тан Фань. – Я говорил о пяти экзаменаторах и жене одного из них – в общей сложности о шести жизнях! Смеешь говорить, что ничего об этом не знаешь?!

Лицо Шэнь Кунью на долю секунды приняло странное выражение, а глаза невольно забегали.

К такой реакции склонны те, у кого совесть нечиста. Все произошло в мгновение ока, однако изменение на его лице не ускользнуло от глаз пристально следящего за ним Тан Фаня.

Магистрат Фань и Цзи Минь не ожидали, что Тан Фань станет бросать вызов Шэнь Кунью. Переглянувшись, они решили не вмешиваться и не пытаться их помирить, продолжив неловко сидеть на своих местах.

Шэнь Кунью вспыхнул и рассерженно ткнул в Тан Фаня пальцем.

— Если продолжишь нести чушь, я завтра же донесу на тебя ко Двору! Хочешь – верь, хочешь – нет!

Он бушевал, а Тан Фань, напротив, продолжал улыбаться:

— А ты что, перестал на меня доносить? Разве это не из-за твоих докладов Двор присылает еще одного императорского посланника? Шэнь Кунью, позволь-ка мне спросить: ты прекрасно знал, что пятеро экзаменаторов имеют отношение к делу об императорском экзамене, так почему в такой спешке отпустил их, не дождавшись прибытия императорского посланника?

Шэнь Кунью нехотя ответил с угрюмым видом:

— Потому что, незадолго до твоего приезда, проведя расследование, я пришел к выводу, что пятеро экзаменаторов не были замешаны в жульничестве!

“Кого ты пытаешься обмануть? – продолжал наседать Тан Фань. – Я что, похож на пятилетнего ребенка? Перед официальным этапом экзаменов в ресторане “Цинфэн” шестнадцать экзаменуемых заплатили по сто таэлей каждый за информацию о том, что, если в их эссе будет словосочетание “великое достижение также”, они получают высокие баллы. Если бы информация была ложной, эти шестнадцать не смогли бы сдать экзамен, однако после публикации результатов их имена оказались в списке сдавших. Как иначе эти три слова могли помочь им получить высокие оценки, если бы не экзаменаторы? – он сделал паузу. – Ты, сюэтай

Шэнь, узнал обо всем слишком поздно. Но тебе, в худшем случае, грозило лишь обвинение в халатности. После этого ты собрал подозреваемых в жульничестве ученых и заставил их пересдать экзамен. Этого достаточно, чтобы доказать, что на тот момент ты не был в курсе того, что произошло на самом деле.

Однако, – Тан Фань сменил направление мысли, – с тех пор как я прибыл, ты только и делаешь, что вставляешь мне палки в колеса: сотрудничать отказываешься, да еще и препятствия чинишь. Ты знал, что кто-то из этих экзаменаторов брал взятки, а еще знал, что я обязательно решу их допросить, но все же отпустил, тем самым навлекши на себя еще больше подозрений. Даже после смерти тех шестерых ты отказывался открыть хотя бы часть правды, слепо все отрицая. Это говорит лишь об одном: тот, кто продал экзаменующимся информацию, должен быть твоим близким человеком. Тем, ради защиты которого ты готов отказаться от карьеры и репутации, не так ли?”

— Чушь! – усмехнулся Шэнь Кунъю.

Он было поднялся, собираясь уйти, но Си Мин с Хань Цзинем, все это время охранявшие дверь, с ледяными взглядами преградили ему дорогу.

— Тан Фань, что все это значит?! – Шэнь Кунъю обернулся, кипя от ярости. – Ты хочешь оклеветать и арестовать дворцового чиновника?!

Тан Фань проигнорировал его, продолжив свою речь:

— Магистрат Фань как-то сказал, что глава академии на острове Байлу очень стар и вскоре его должность станет вакантна. Множество людей хотят заполучить ее, однако наиболее подходящими кандидатами являлись пять экзаменаторов. Причем перспективы у всех пятерых были одинаковыми, поскольку все они были главами академий префектуры Цзиань. Для того, чтобы увеличить свои шансы на получение назначения на должность главы академии на острове Байлу, они должны были заручиться поддержкой господина инспектора образования. Ты по своей природе человек высокоморальный и дорожишь своим добрым именем, так что не обращал никакого внимания на их заискивания. И взятки наверняка не брал. Но если ты так не поступаешь, это еще не значит, что никто другой так не поступит. Кто еще, кроме молодого господина из твоей семьи мог выступить от твоего имени и заставить их поверить в то, что он скажет?

Шэнь Кунъю был мертвенно-бледен и молчал. Он никогда особо не владел даром красноречия, а теперь и вовсе не знал, что бы возразить Тан Фаню.

Тан Фань не дал ему времени на раздумья, тотчас продолжив:

“Предположу, что твой сын сначала пытался выяснить у тебя экзаменационные вопросы, чтобы продать их, за что получил хорошую взбучку. Его план провалился, но он придумал новый: якобы от твоего имени по очереди связался с главами каждой из академий, наобещал им с три короба и договорился, что они поставят высокие оценки тем, у кого в работах встретится словосочетание “Великое достижение также”.

К сожалению, ты узнал обо всем слишком поздно, когда оставалось лишь смотреть, как твой единственный сын тонет. Поэтому ты начал мешать мне вести расследование, вынуждая

сосредоточить все внимание лишь на тебе.

Если бы на этом дело и кончилось, тебя, в худшем случае, лишили бы должности за недобросовестное ведение дела. Твой сын не ученый. Если станет известно, что он вступил в сговор с экзаменаторами и продавал экзаменационные вопросы, его, хоть и не казнят, но накажут жестоко, вплоть до пожизненного заключения. А потому ты сделал все возможное, чтобы оградить своего сына от подозрений, пожертвовав ради него своей репутацией и заставив остальных поверить, что ты упрямый и глупый чиновник!"

Магистрат Фань с Цзи Минем пораженно слушали его. Они понятия не имели, как Тан Фань пришел к этому выводу, но, стоило столь складным речам достичь их уха, как они практически полностью им поверили. Оба уставились на Шэнь Кунью, будто желая разглядеть правду в его облике.

Шэнь Кунью изменился в лице. Взгляд его, обращенный на Тан Фаня, был довольно сложным: полным то ли ненависти, то ли скорби.

По характеру он был человеком гордым и высокоморальным. Обладал известностью в литературных кругах, однако карьера его оказалась не столь блистательна, как хотелось бы, да и славой он пользовался дурной. Должность провинциального инспектора образования была его потолком. Подняться выше и войти в Министерство Обрядов было для него очень сложно.

Но какими бы литературными достижениями Шэнь Кунью ни обладал, многие за его спиной говорили, что характер у него совершенно невыносимый. Впрочем, его это не волновало. Он продолжал быть верным принципам и крайне взыскательным к себе человеком. Взятничество было весьма распространенным явлением среди чиновников, однако Шэнь Кунью за жизнь ни у кого и медной монеты не взял и очень этим гордился. Он не ожидал, что его кристально чистая репутация, которой он так дорожил, окажется погублена его сыном.

А еще он не ожидал, что тем, кто лучше всех его поймет, окажется его враг.

Тан Фань уже разоблачил Шэнь Си. Даже если Шэнь Кунью откажется признаваться, все будет без толку: Тан Фаню будет достаточно схватить Шэнь Си и допросить, и тот, с его-то характером, мигом во всем сознается.

Было бы лучше, если бы Шэнь Кунью сам обо всем рассказал.

Он вздохнул:

— Я не убивал тех шестерых. И смерть Линь Чжэня не имеет отношения ни ко мне, ни к моему сыну.

— Но ты должен знать, кто убийца, – приподнял бровь Тан Фань.

Шэнь Кунью молчал.

В этот самый момент в зал вбежал человек. Им оказался служащий префектуры.

— Господин, мы нашли судью Линя!

— Где он?! – тотчас подскочил магистрат Фань. – Пусть он войдет!

— В старом храме Городского Бога, – с сомнением в голосе отвечал служащий. – Он мертв.

В зал, запыхавшись, вбежал слуга семьи Линь, с докладом управляющему с госпожой Чэнь:

— Госпожа, мы сбегали в академию на острове Байлу. Второго молодого господина там нет! Его соученики сказали, что он не возвращался с тех пор, как отправился домой на похороны!

Беда не приходит одна. Все присутствующие были потрясены, а у госпожи Чэнь потемнело в глазах, и она тотчас упала без чувств.

Послесловие автора:

Отлично, зацепки появились одна за другой, но как они привели к Шэнь Си? Дальше расскажут, но вы можете попробовать догадаться сами~

Правда будет раскрыта в следующей главе~~

В этом томе есть два момента, которые читатели могут не понять. Если будут вопросы, расскажу о них в следующей главе. А пока без спойлеров~

Мини-театр:

Поздняя ночь.

Тук-тук-тук!

Тан Фань открыл дверь. Снаружи оказалась служанка Сяо Чжоу.

— Что-то не так? – с трудом придя в себя, спросил он.

— Молодой господин, – с бесстрастным лицом ответила Сяо Чжоу. – Уже поздно. Моя барышня отправила меня согреть Вашу постель.

С этими словами он опустил воротник. Ниже шеи пудры не было. Взгляду открылась обнаженная бронзовая кожа и крепкие грудные мышцы.

— ...Нет, не нужно. Не думаю, что выдержу подобной победы на любовном фронте.

Сяо У: Клянусь, я никогда такого не говорила!

Примечания переводчика:

Наконец дело сдвинулось с мертвой точки, а то шибко долго тянули и интригу держали.

Надеюсь, одним из моментов, которые МСШ собирается объяснить в следующей главе, будет, почему экзаменаторы, переписав эссе жуликов, не убрали из них кодовое слово. И как они подделали оригиналы эссе, неужели почерки никого не смутили?)

В этой главе есть два момента, которые мне, возможно, не удалось передать верно, поэтому поясню:

1. Шэнь Си не ученый, а потому наказали бы его строже, чем ученых. Это как с мужчинами и женщинами. Мужчины были выше женщин, а ученые выше простых смертных, так что наказывали вторых сильнее, чем первых. Там используется устойчивое выражение 罪不容誅, я его перевела как “хоть и не казнили бы, однако наказали бы жестоко, вплоть до пожизненного заключения”. Вообще оно означает, что, хоть смертной казнью не накажут, но заставят страдать при жизни. В некоторых толкованиях 罪 означает пожизненное заключение. Я не знаю, употребляется оно здесь в прямом или переносном смысле. Но наказывать за продажу ответов на экзамене пожизненным или казнью - это конечно сильно.

2. Я когда читала оригинал, так поняла, что ШКС узнал правду о своем сыне уже после того, как написал доклад в столицу, то есть незадолго до приезда ТФ. Потому и отпустил экзаменаторов за день до прибытия ТФ, и злой был в день его приезда. ШС боялся гнева отца и бегал от него всю неделю, но пару дней назад, когда ТФ навещал отца погибшего студента, попался ему и был очень сильно избит якобы за драку в борделе.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3143798>